

Киевский университет им. Тараса Шевченко

На правах рукописи

КУДРЯВЦЕВА Людмила Алексеевна

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ
СЛОВАРНОГО СОСТАВА**

(на материале лексических новаций русского языка)

10.02.19 — теория языкознания

10.02.01 — русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Киев — 1992

00819655 (Y)

Работа выполнена на
педагогического государственного

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор В.И.Шаховский
доктор филологических наук, профессор С.В.Семчицкий
доктор филологических наук, старший научный сотрудник
В.М.Брицки

Ведущая организация:

Донецкий государственный университет.

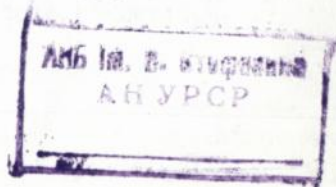
Защита состоится 22 октября 1992 г. в 10 часов на заседании
специализированного совета Д 068.18.11 при Киевском университете
им. Тараса Шевченко /252601, Киев, бульвар Шевченко, 14/.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Киевского
университета им.Тараса Шевченко.

Автореферат разослан ____ сентября 1992 г.

Ученый секретарь
специализированного совета

Э.И.Лысенко

Признание системности как основного, наиболее существенно-го онтологического признака языка определило ведущую тенденцию современных лингвистических исследований — системно-структурный подход к описанию языковых фактов. Вместе с тем, язык обладает и другими важными признаками, одним из которых выступает динамизм, наиболее ярко проявляющийся в лексике. Обращение к этой стороне языка делает необходимым пересмотр постулата о стабильности языковой системы, предполагающего рассмотрение вариантов как выразителей изменчивости языка за пределами этой системы, и признание способности к изменениям в качестве основного признака языковой структуры. В этом актуальность избранной темы.

Традиционное представление динамизма лексики фактами новаций на временной оси языкового развития /т.е. в диахронии/, существования архаизмов и неологизмов, варьирования языковых норм и под. не позволяет определить место динамического фактора в системно-структурной организации, не раскрывает самого механизма изменчивости языковой системы.

Динамическое представление языка в целом имеет глубокие корни в истории языкознания, восходящие к древнеиндийской традиции и получившие развитие в трудах В.фон Гумбольдта, И.А.Бодуэна де Куртене, Л.В.Щербы, Н.Хомского, Д.Н.Шмелева, в работах представителей Пражской лингвистической школы и французских функционалистов, в исследованиях по словообразованию, синтаксису и текстообразованию Е.С.Кубряковой, П.А.Соболевой, Л.В.Сахарного, Л.Н.Мурзина и др.

Соотнесение динамики языка с синхронией^х связано с процессами деривации — образования одних единиц из других на одном временном срезе. В этом плане представление лексики как особым образом организованной /структурированной/ совокупности взаимосвязанных единиц должно быть дополнено правилами, моделями, по которым эти единицы образуются, производятся. При этом возникает вопрос: существуют ли общие закономерности образования разноплановых единиц лексико-семантической системы

^х Возможен и диахронический план динамики языка, который не является объектом нашего исследования.

/слов и ЛСВ/? Если да, то что является основой структуризации лексической системы в динамическом /не статическом/ плане? Ответив на эти и некоторые другие вопросы, мы сможем представить лексико-семантическую систему вместе с ее способностями к изменениям, т.е. в динамическом аспекте.

Впервые в исследовании системных отношений в лексике предположение об имеющейся "третьей оси" ее организации /в дополнение к синтагматической и парадигматической/ было высказано Д.Н.Шмелевым, который ввел в научный обиход понятие эпидигматики как "третьего измерения" лексики, или ее деривационного плана. В отличие от парадигматики и синтагматики, с той или иной степенью полноты разработанных на широком и разнообразном языковом материале, эпидигматика как способ структуризации лексики до сих пор не была предметом самостоятельных исследований. Как нам представляется, ее описание плодотворно исключительно в плане динамического представления системы языка, а в области лексики такие разработки только начинаются.

Актуальность предпринятого нами исследования определяется не только тем, что именно динамическая модель позволяет показать систему языка как целостное единство устойчивого и подвижного, стабильного и изменяющегося, но и тем, что динамические модели языка представляют в теоретическом плане интерес для создателей биосистем в области вычислительной техники, разработчиков проблематики искусственного интеллекта.

Целью диссертационного исследования является моделирование структурной организации деривационных отношений в лексике на целостном массиве разноплановых единиц - лексических и семантических новаций определенного временного среза. Важнейшие задачи в соответствии с поставленной целью следующие:

- обоснование динамического представления языка в синхронии, разработка концепции динамических отношений в структурно-системной организации лексики;
- разработка методики деривационно-компонентного описания лексико-семантических новаций в плане динамической синхронии;

- выявление деривационных моделей семемообразования, разработка динамической типологии номинативно-производных значений, доказательство системности семемообразования в синхронии;

- выделение и описание на целостном массиве новых единиц двух типов деривационных моделей - парадигматических и синтагматических;

- построение статической и динамической моделей синтагматической деривации, определение структуры конденсационного поля в русском языке, моделирование его центра, периферии и маргинальной зоны;

- выявление степени продуктивности словообразовательных моделей современного русского языка.

Материал исследования, источники материала. Для выявления свода действующих моделей и динамической типологии лексических и лексико-семантических единиц современного русского языка в качестве основного источника используется лексикографическое издание "Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов" /М., 1984, далее: НСЗ-П/, из которого выбраны все производные однословные единицы - около 5000 слов и ЛСВ. За пределами исследования остались устойчивые словосочетания, старые слова и значения, получившие актуализацию в 70-е годы, а также иноязычные вхождения. При выявлении моделей лексико-семантической деривации частично используются данные ежегодных выпусков серии "Новое в русской лексике. Словарные материалы - 77 /78, 79/" - фиксации новых значений, не вошедших в НСЗ-П. Отдельным источником является картотека автора /свыше 3000 словоупотреблений новых ЛСВ/, составленная по результатам выборки из материалов прессы, теле- и радиопередач, художественных текстов, разговорно-речевых сфер 70-80-х гг. и 1990 года, подтверждающих активное функционирование новых единиц.

При выявлении деривационных моделей используются данные Словообразовательного словаря русского языка /в двух томах/ А.Н.Тихонова /М., 1985/ и Обратного словаря русского языка /М., 1974/, представляющего свод лексикона четырех толковых

словарей: Словаря современного русского литературного языка АН СССР /в 17-ти томах/, Словари русского языка АН СССР /в 4-х томах/, 1-е изд., Толкового словаря русского языка/в 4-х томах/ под ред. Д.Н.Ушакова и Словаря русского языка С.И.Ожегова /4-е изд./.

При реконструкции деривационных актов и определении деривационных моделей семантических новаций используются дефиниции исходных значений, зафиксированные Словарем русского языка АН СССР в 4-х томах /2-е изд./.

Роль ассоциативных сем в образовании семантических дериватов дополнительно исследуется на экспериментальном текстовом материале с заданными семантическими свойствами описываемых единиц.

Методика исследования. Для целостного описания новаций лексико-семантической системы русского языка используется принцип деривации, поскольку новые цельноформированные единицы образуются либо путем создания нового слова, либо путем приспособления имеющегося в языке слова для выражения новой семантической функции.

Моделирование динамики словарного состава стало возможным благодаря синхронной реконструкции каждого конкретного деривационного акта, результатом которой явилась та или иная новая единица, выявления частных и общих моделей деривации – как семантических, так и формальных.

Для описания лексико-семантических новаций русского языка разработана комплексная методика деривационно-компонентного анализа незамкнутых лексических структур на основе сопоставительного, компонентного анализа и синтеза исходной и результативной семантических структур и выявления динамики смысловых компонентов. Деривационно-компонентное описание позволяет выделить базовые структурно-семантические модели формирования внутрисловной парадигмы.

В работе используются приемы сплошной и спонтанной выборки лексических и лексико-семантических единиц, для определения степени продуктивности применяется метод симптоматической статистики. В качестве дополнительных используются дефиниционный и контекстуальный анализ, а также некоторые психолингвистические методы.

Научная новизна исследования заключается: а/ в системном анализе целостного массива новых слов и значений одного временного среза; б/ в использовании деривационного принципа для выявления динамических моделей в лексико-семантической системе русского языка, в разграничении двух моделей парадигмы слова - статической и динамической; в/ в выделении у разноплановых единиц /слов и ЛСВ/ эпидигматических отношений, имеющих системо-формирующий характер, а также в определении моделей образования указанных единиц как способа структуризации эпидигмы; г/ в определении общего механизма динамики лексикона /слов и ЛСВ/, обусловленного асимметрическим дуализмом языкового знака; д/ в разграничении статической и динамической моделей лексико-семантической конденсации, что позволяет выявить ее полевую структуру и объяснить различия конденсационных процессов в русском языке в зависимости от их принадлежности к центру, периферии или маргинальной зоне поля; е/ в выявлении степени продуктивности действующих словообразовательных моделей и типов в современном русском языке одного временного среза.

Теоретическая ценность исследования состоит в том, что разработанная концепция динамического моделирования лексических единиц, методика описания и выявления деривационных отношений в лексико-семантической системе русского языка позволяет с иной точки зрения описать известный материал и представить структурную организацию различных микросистем в лексике /семантических полей, лексико-семантических групп, синонимии, антонимии, знантиосемии и др./ в синхронно-динамическом плане - в процессе формирования, производства.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в преподавании теоретических курсов лексикологии и общего языкознания, в спецкурсах по лексике и словообразованию, в вузовских учебниках и пособиях. Приложение к диссертации - деривационный обратный словарь новообразований русского языка - может быть широко использован как в практике обучения русскому языку, так и в научно-исследовательской работе студентов и аспирантов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Динамизм, являясь одним из онтологических признаков языка, рассматривается как совокупность деривационных моделей, типов, структурирующих в лексико-семантической системе эпидигматические отношения, противопоставленные и в то же время взаимообусловленные парадигматическими и синтагматическими связями.

2. Обусловленность эпидигматики парадигматикой и синтагматикой определяется рядом факторов и, в первую очередь, мотивирующими отношениями производной единицы с исходной семантической или семантико-синтаксической структурой. Это проявляется в том, что единицы деривационного акта /исходная и результирующая/ могут быть связаны а/ парадигматически, будучи членами одной или разных лексико-семантических парадигм, и б/ синтагматически, являясь составляющими одной синтагмы.

3. Рассмотрение формирующих новые слова и значения деривационных процессов в одном методологическом контексте обнаруживает системные закономерности этих процессов, их сводимость к наиболее общим деривационным моделям. В зависимости от типа деривационной связи единиц и характера деривационного процесса при синхронном моделировании определенного фрагмента лексико-семантической системы выделяются модели парадигматически мотивированной и синтагматически мотивированной деривации. В одном случае деривационный процесс идет по линии плана содержания за счет динамики компонентов смысловой структуры исходной величины, результатом чего являются номинативно-производные значения — лексико-семантические варианты слова /парадигматически мотивированная деривация/. В другом случае деривационный процесс представляет собой преобразование синтагмы, чаще всего в виде лексико-семантической конденсации за счет редукции плана выражения исходной величины /синтагматически мотивированная деривация/. Конденсационные процессы во всех своих проявлениях переплетаются с процессами аналогии и конверсии, а результатом названных преобразований выступают как слова, так и номинативно-производные значения /метонимические ЛСВ/.

4. Выявление системы действующих в русском языке струк-

турно-семантических схем преобразования значения слова, т.е. моделей семемообразования, стало возможным благодаря разработанной методике деривационно-компонентного описания номинативно-производного значения путем реконструкции каждого отдельного деривационного акта, результатом которого выступает производная единица, в терминах сопоставительного компонентного анализа и синтеза двух деривационных единиц /исходной и резуль- тативной/. Обобщение выявленных моделей, их классификация позво- ляют представить динамическую типологию производных лексико- семантических единиц русского языка.

5. Синтагматические модели образования новых слов и зна- чений в русском языке представлены преимущественно моделями лексико-семантической конденсации, которая обнаруживает поле- вую организацию со всеми ее составляющими: ядром, периферией и маргинальной зоной. Наряду с общей статической полевой мо- делью лексико-семантической конденсации разработана и ее общая динамическая, полнящая модель.

6. Рассмотренные в виде динамических моделей деривацион- ные процессы, формирующие новые слова и лексико-семантические варианты слов в широком плане обусловлены действием общезыко- вого закона асимметрического дуализма языкового знака. Назван- ные процессы в своей совокупности представляют системное обра- зование - эпидигматику лексемы, поскольку функционируют не только как таковые, но и в силу противопоставления одних дру- гим в зависимости от характера протекания.

Апробация работы. Основные положения диссертационного ис- следования были изложены автором на научных конференциях в Москве /1983, 1988, 1988, 1990/, Перми /1985, 1988, 1991/, Кировограде /1985, 1987/, Харькове /1985/, Гродно /1986, 1989/, Одессе /1987/, Черновцах /1987/, Свердловске /1987, 1990/, Виннице /1988/, Днепропетровске /1988/, Алма-Ате /1990/, Ивано- Франковске /1990/, Киеве /1991/ и др., отражены в монографиях, учебных пособиях и статьях общим об"емом свыше 50 п.л. Мате- риалы и результаты исследования обсуждались на заседаниях ка- федр русского языка Киевского университета им.Т.Шевченко и общего языкознания Московского педагогического государственного университета им.В.И.Ленина.

Результаты исследования использовались в спецкурсах и спецсеминарах, проводимых на филологическом факультете Киевского университета, в дипломных и курсовых работах, написанных под руководством автора.

Структура и об"ем работы. Диссертация /439 страниц, основной текст - 257 с./ состоит из Введения, трех разделов, включающих II глав, выводов, Заключения, списка основной использованной литературы и приложений в виде таблиц и деривационного обратного словаря новообразований русского языка /4063 единицы/.

Во Введении обосновывается выбор темы и ее актуальность, формулируются цель и задачи исследования, выявляется научная новизна, теоретическая и практическая значимость, характеризуется материал и методы исследования, определяются основные положения, выносимые на защиту. В первом разделе "Динамическая модель языка" рассматривается проблема синхронного динамического описания языка, определяется соотношение понятий развития языка и динамики языка, системой организации лексики и ее синхронно-динамического аспекта, статической и динамической моделей, обосновывается моделирование деривационных отношений в синхронии как один из способов структуризации лексики, описывается методика реконструкции моделей, действующих в лексике современного русского языка. Во втором разделе "Парадигматические модели образования новых лексико-семантических единиц в современном русском языке" выявляются основные модели метафоризации и других типов переосмысления, при которых деривационные единицы выступают членами лексико-семантической парадигмы. В третьем разделе "Синтагматические модели образования новых лексико-семантических и лексических единиц в русском языке" описываются метонимическая деривация и различные конденсационные процессы в сфере новообразований, даются общие и частные характеристики синтагматических моделей, определяется организация поля лексико-семантической конденсации, моделируются деривационные процессы и выявляется степень продуктивности действующих в сфере словообразования общих и частных деривационных моделей.

Содержание работы.

Наряду с традиционным статическим описанием системы языка в последнее время успешно разрабатываются процессуально-динамические лингвистические модели. Рассмотрение языка и, в частности, его лексикона в статике, долгие годы господствовавшее в отечественном и зарубежном языкознании, привело к распространению статических структуралистских моделей, которые дали мощный импульс развитию учения о лексико-семантической системе языка. Однако такой подход к описанию лексики оставил за рамками "жесткой" системы языковые процессы, лексические преобразования в их разнообразных проявлениях, которые стали определяться как "асистемные" явления в языке /Ф.А.Будагов, М.М.Маковский, В.П. Конечная, Э.В.Кузнецова и др./.

Активизация исследований по проблемам динамической лингвистики наблюдается преимущественно в области фонетики, синтаксиса, словообразования, текстообразования /работы Ф.Г.Галустяна, Л.Г.Скалосуб, К.Рике, Н.Хомского, Л.В.Сахарного, П.А.Соболевой, Е.С.Кубряковой, Г.В.Колшанского, Л.Н.Мурзина и др./. Менее изучена в этом плане лексическая семантика. В то же время появление целого ряда обобщающих исследований системных связей и отношений в лексике /Ю.Д.Апресян, Л.М.Васильев, Р.М.Гайсина, Э.В.Кузнецова, Ж.П.Соколовская, А.А.Уфимцева, Д.Н.Шмелев, А.Н.Шрамм и др./ делают возможным обозначить новое направление лексикологических разработок: описание динамической модели лексико-семантической системы языка.

Противопоставление статических и динамических моделей состоит, прежде всего, в том, что первые имеют классификационный, таксономический характер, вторые – процедурный: динамическое представление языка заключается в моделировании деривационных связей сосуществующих во времени единиц; именно деривационный анализ языковых данных ориентирован на отражение динамических характеристик языка. Отсюда следует, что основные задачи динамической семантики в наиболее общем виде могут быть сведены к моделированию деривационных семантических процессов.

Формирование динамического представления синхронной системы языка связано с языковой концепцией В. Гумбольдта и в первую очередь — с выделением созидательной деятельности языка / *energeia* / в противоположность продукту этой деятельности / *ergon* /, с идеей динамической синхронии Боуэна де Куртене: выделения на синхронном срезе статики и динамики и определения статики языка как частного случая его динамики, с концепцией языка Л. В. Щербы, согласно которой в понятие системы следует включать не только языковые единицы, но и "все правила образования слов, форм слов, групп слов и других языковых единиц высшего порядка". Обращение к синхронно-динамическим моделям языка обусловлено также влиянием лингвистической теории Н. Хомского, который сделал попытку представить язык как систему правил, порождающих бесконечно большое число структур, а также исследователями А. Мартине, Э. Косериу, М. Мамудиной, в области лексики — работами К. Д. Апресяна и Д. Н. Шмелева.

Несомненно, в обращении к вопросам динамической лексикологии, в стремлении представить лексико-семантическую систему языка в динамическом аспекте положительную роль сыграла и разработка проблемы развития языка, результаты которой отражены в серии монографий АН СССР "Русский язык и советское общество" /1968 г./ и в ряде др. работ. Однако исследования в этой области опираются в целом на теоретические постулаты Ф. Соссюра, в частности, на соотнесение динамики исключительно с диахронией, эволюцией языка, при этом не учитывается то, на что обратил внимание еще Боуэн де Куртене: движение в языке соотносимо не только с историей языка, возможны и другие, неэволюционные формы динамики /ср.: динамическая синхрония и динамическая диахрония, подвижность языка в синхронии и изменчивость в диахронии/. Исследования проблемы развития языка направлены на выявление причинной обусловленности языковых изменений /Г. Пауль, Р. А. Будагов, Т. П. Ломтев, Д. Н. Шмелев, В. М. Русановский, В. К. Журавлев и др./, что само по себе не может обяснить механизма изменчивости языковой системы.

Соссюровская трактовка динамики языка на материале языковых фактов различных периодов, т. е. в плане диахронии, разрабо-

тывается и в наши дни. В тех случаях, когда речь идет о выявлении динамического характера именно синхронии, обнаруживаются две исследовательские стратегии:

1. Понятие динамической системы"предполагает совмещение синхронических и диахронических характеристик. В приложении к системе современного русского языка такой подход предусматривает совмещение анализа ее компонентов на конкретных временных срезах с сопоставительным описанием результатов такого анализа по двум и более синхронным срезам, в диахронии, с точки зрения их происхождения и освоения в общем употреблении". /М.А.Карпенко/.

2. Разграничение динамической синхронии и динамической диахронии совершенно справедливо соотносится с разграничением синхронической реконструкции и диахронической: первая описывает настоящее состояние языка, являясь своеобразным методическим приемом для восстановления деривационных преобразований и процессов в любом отдельном языке, вторая — служит описанию языкового прошлого /Е.С.Кубрякова/. Однако здесь нужно отметить, что синхронная реконструкция у Е.С.Кубряковой полностью связана с психологической и психической реальностью лингвистических процессов, соотносимых с речевой действительностью, а динамика языка прежде всего — в самом осуществлении речевого акта, в речевой действительности. Не исключая возможности такого понимания динамики, мы считаем необходимым подчеркнуть, что в реферируемой работе речь идет исключительно о синхронной системе языка, а динамический аспект его функционирования /речевая деятельность/ остается за пределами исследования.

Понятие системы языка в синхронии, определяемое в лингвистике как "внутренне организованная совокупность элементов /единиц/ языка, связанных устойчивыми отношениями" /О.С.Ахманова/, вытекает из концепции системности Ф.Соссюра и исключает факты изменчивости языкового знака. При таком подходе динамизм — один из онтологических признаков языка — выводится за пределы системы. Между тем существуют языковые модели, согласно которым система — это набор правил, порождающих бесконечное число

структур /Н.Хомски/, правил, которые собственно и "образуют состояние языка или "язык в синхронии" /Э.Косериу/. Каждая из указанных трактовок системности не моделирует в отдельности адекватно языковую систему.

Обращение к лексико-семантической системе позволило Д.Н.Шмелеву предположить, что парадигматические и синтагматические связи, формирующие системные отношения в языке, не единственный способ структуризации лексики. Каждая из двуплановых единиц, к каковым относится слово, имеет материальную форму и смысловое наполнение и является в какой-то мере средоточием и этих двусторонних связей, об"единяющих ее, с одной стороны, с рядами формально близких слов, с другой - с теми точками "семантического пространства", с которыми так или иначе соприкасается ее собственное смысловое "содержание". Это позволяет рассматривать семантическую структуру каждого многозначного слова как отражение особого вида отношений, которые названы Д.Н.Шмелевым эпидигматическими.

Понятие эпидигматики включает в себя семантическую и словообразовательную производность. В первом случае выделяются собственно семантические связи, которые представляют одну сторону /план содержания/ внутрилексемных отношений, во втором - формально-лексические, представляющие другую сторону отношений /план выражения/.

Организация парадигматической и синтагматической осей в лексической системе известна и в большей или меньшей степени описана в литературе. Относительно способов структурной организации эпидигмы лексических единиц мы полагаем, что ими выступают структурно-семантические модели, по которым протекают деривационные процессы в лексической синхронии /динамический аспект синхронии, выделяемый нами вслед за И.А.Бодуэном де Куртене, в противоположность статическому/.

Различие между парадигмой и эпидигмой заключается таким образом в способах структуризации: первая представляет определенную совокупность единиц, вторая - набор деривационных

моделей, схем, правил, по которым образуются эти единицы. В более широком плане разграничение парадигматики и синтагматики связано с различными типами моделирования как способа описания языка. Парадигма – статическая модель как обобщенная и формализованная структура тех или иных языковых единиц, эпидигма – динамическая модель как обобщенное и формализованное представление о процессах, ведущих к образованию тех или иных языковых единиц. А само понятие системы может быть определено как внутренне организованная совокупность элементов /единиц/ языка и правил их образования /преобразования/.

Описание эпидигматических отношений в лексике непосредственно связано с моделированием деривационных процессов. Характеризуя деривацию как процесс, исследователи отмечают такие ее особенности, как направленность на функционально-семантические преобразования исходной единицы и сознательную ориентацию либо на создание нового знака, либо на выражение знаком новой функции /Е.С.Кубрякова, Ю.Г.Накранц/. Это делает деривационный анализ наиболее приемлемым для целостного описания лексико-семантических новаций в языке, ибо новые цельно-оформленные единицы образуются либо путем создания нового знака /новые слова/, либо путем приспособления исходного знака для выражения новой функции /новые значения/. Деривационный подход к лексико-семантическим новациям русского языка дает возможность определить правила и модели их образования, вскрыть характерные для данного временного среза процессы деривации и механизм их действия /протекания/, а в более общем плане – представить лексико-семантическую систему в динамическом аспекте с учетом эпидигматических отношений составляющих ее единиц.

Введение в синхрония динамизма как важнейшей поправки к известному сосюрровскому постулату невозможно без обращения к принципу вариативности как структурно-значимому фактору языковой системы: отношения инвариантов и вариантов организуют множество единиц в системе /Н.Ю.Ильцова, Э.В.Кузнецова, В.М. Солнцев и др./.

Вместе с тем понимание системообразующего характера ва-

риативности также нуждается в определенном уточнении применительно к динамическому аспекту языковой системы. Мы рассматриваем вариативность как внутривидовой механизм динамической модели лексической системы языка, исходя из общетеоретического постулата, согласно которому парадигмы вариантов выделяются как с точки зрения плана содержания, так и с точки зрения плана выражения. Однако отдельное рассмотрение этих парадигм можно проводить как в статике, так и в динамике. Это значит, что внимание исследователя может быть направлено не только на описание парадигмы как совокупности элементов в их взаимосвязи /традиционные синхронно-статические описания системных отношений в лексике/, но и на выявление процессов, формирующих ту или иную парадигму. Отношения вариативности, формирующие парадигмы двух видов /парадигмы плана содержания и парадигмы плана выражения/, являются структурообразующими именно для динамической модели лексико-семантической системы и предстают результатом действия известного в лингвистике закона асимметрического дуализма языкового знака С. Карцевского. Динамический характер лексической системы обусловлен в языковом плане смещением плана содержания /ПС/ или плана выражения /ПВ/ языкового знака. При смещении ПС обуславливающим динамику системы фактором является вариативность плана содержания, при смещении ПВ таковым фактором выступает вариативность ПВ. В зависимости от конкретного проявления того или иного типа вариативности в лексике реализуются либо парадигматически обусловленные модели новаций /производные ЛСВ, связанные со смещением ПС/, либо синтагматически обусловленные модели новаций /производные ЛСВ и слова, связанные со смещением ПВ/.

Анализ лексических новаций русского языка, состоящий в сопоставлении исходной и результирующей структур деривационного акта и описании установившихся между сопоставляемыми величинами смысловых отношений обнаруживает два типа мотивированности лексико-семантической и лексической деривации и соответственно два типа деривационных моделей: парадигматические и синтагматические. В основе первых лежат деривационные отношения между исходной и результирующей единицами деривационного акта — членами одной или разных лексико-семантических

парадигм /ср. исходное и производное значения слова НОСТАЛЬГИЯ 'тоска по родине' → 'тоска о чем-либо', входящие в одну парадигму, и слова МОДЖ 'животное...' → 'человек...', относящиеся к разным парадигмам/. Вторые /синтагматические модели/ характеризуются синтагматическими отношениями исходной и резульативной величин, производные единицы в этом случае выступают результатом преобразования исходной в деривационном плане синтагмы /ср.: обслуживающий персонал → обслуга, быстроходное судно → быстроход, орбитальная станция → орбитальная, промышленная зона → промзона, информационно-вычислительный центр → ИВЦ/.

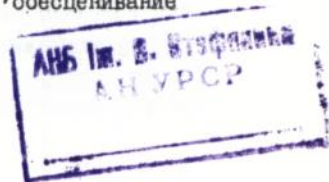
Основанием для выделения и описания парадигматических моделей лексико-семантической деривации, результатом которой выступают семантические новации русского языка 70-х годов /новые значения/, является динамика денотативных, а в некоторых случаях и коннотативных сем в деривационном акте. При выявлении парадигматических деривационных моделей были учтены все релятивные признаки структуры лексического значения и ее преобразования, а именно: 1/ сохранение /модификация/обобщение/мена архисемы; 2/ обобщение/выпадение/введение/актуализация/мена дифференциальных сем; 3/ актуализация имплицитных периферийных денотативных сем или ассоциативных признаков /коннотативных сем/; 4/ сохранение/уменьшение/увеличение семантического об"ема в процессе деривации.

В результате исследования выявлено 9 базовых /основных/ парадигматических моделей, продуктивных в русском языке описываемого временного среза:

А. Модели лексико-семантической деривации, характеризующейся внутрипарадигматическими отношениями исходной и резульативной единицы

1. Расширение значения: сохранение АС + обобщение ДС^x// выпадение ДС или введение ДС /ср.: девальвация 'обесценивание денежных знаков' → 'обесценивание чего-л.'/.

^x АС - архисема, ДС - дифференциальная сема.

2. Расширение значения с модификацией архисемы: модификация АС + обобщение ряда ДС /ср.: десант 'войска, высаженные на вражескую территорию' → 'группа лиц, прибывшая куда-л. с какой-л. целью' /.
 3. Расширение значения с обобщением архисемы: обобщение АС + обобщение, выпадение сем-специализаторов // актуализация функциональной ДС /ср.: катализатор 'вещество, ускоряющее или замедляющее течение химической реакции' → 'о том, что способствует более быстрому развитию, осуществлению чего-л.' /.
 4. Сужение значения: сохранение АС и ДС исходного значения + новые ДС; увеличение семантического об"ема резуль- тативного значения /ср.: занятость 'наличие работы, занятий' → 'наличие работы, дающей средства к существованию' /.
 5. Семантический сдвиг: сохранение или модификация АС + мена одной или нескольких ДС; сохранение исходного се- мантического об"ема /ср.: новобранец 'тот, кто только что поступил на военную службу' → 'тот, кто недавно /только-что/ пришел в коллектив или стал заниматься какой-л. деятельностью' /.
- Б. Модели лексико-семантической деривации, характеризующейся
межпарадигматическими отношениями исходной и резуль- тативной
единиц
6. Мтф /метафоризация/ с актуализацией СПС /скрытой периферий- ной семы/: мена АС + прибавление новых ДС + ак- туализация СПС, ее переход в ядерную /ср.: морж 'морское северное млекопитающее' → 'человек, занимающийся плаванием зимой в открытых водоемах' /.
 7. Мтф с актуализацией семы 'внешний признак': мена АС + новые ДС + актуализация семы 'внешний признак' /ср.: восьмерка 'цифра восемь' → 'транспортная развяз- ка, напоминающая с высоты цифру восемь' /.
 8. Функциональная Мтф: мена АС + актуализация функциональной ДС /эксплицитной или имплицитной/; ср.: водовоз 'воз- чик, доставляющий воду' → 'автомобиль для пере- возки воды' /.

9. Ассоциативная Итф: мена АС + актуализация ассоциативного признака + новые ЛС /ср.: отключиться 'перестать действовать вслед за раз"единения с общей системой' → 'отвлечься от окружающего, перестать слушать, воспринимать окружающее'/. .

Наиболее активно в русском языке происходит реализация тех деривационных моделей, которые характеризуют различные виды преобразования семантики слова, направленные в сторону ее расширения преимущественно от терминологического значения к нетерминологическому, общеупотребительному /напр., производные значения слов девальвация, вакуум, миимикрия, катализатор, марафон, вирус и под./: деривационный процесс идет за счет преобразования, главным образом, дифференциальных сем.

К числу продуктивных принадлежат также модели метафоризации, выражающейся в мена архисемы и а/ актуализации функциональной дифференциальной семы /напр., ответчик в знач. 'радиотехническое устройство...', кулькулятор 'прибор ...', лесоруб 'машина...' и под./ или б/ актуализации ассоциативного признака /напр., производные ЛСВ слов обойма, меломан, взрывной, дергаться, отключаться и под./.

Попадая в орбиту действия семантических процессов, те или иные лексические единицы подвергаются преобразованиям неоднократно, реализуя не одну, а несколько разнотипных деривационных моделей. Это можно наблюдать на примере семантического развития слова марафон от исходного 'состязание в беге на самую длинную дистанцию — 42 км 195 м': ЛСВ 'о каком-либо соревновании, конкурсе или борьбе за преобладание, первенство в чем-либо /обычно длительных и напряженных/' формируется по второй парадигматической модели /расширение значения/, ср.: кинематографический марафон, конкурсные марафоны музыкантов, музыкальный марафон, песенный марафон, марафон моды, директорский марафон /о конкурсе на должность директора школы XXI века/, предвыборный марафон, марафон элегантности и красоты /о конкурсе "Московская красавица"/; ЛСВ 'о поездке, полете и т.д. на очень большое расстояние' образуется по шестой парадигматической модели /метафоризация/: космический марафон, второй марафон космонавта, скандальный марафон судна "Карин Б"; ЛСВ

'о чем-либо, являющемся продолжительным, занимающим много времени' развивается одновременно по двум деривационным моделям /третьей – обобщение значения и шестой – метафоризация/: научный марафон, телевизионный марафон /о четырехсерийном телевизионном фильме/, судебно-ледовый марафон, консультационный марафон и др.

Несомненно, деривационные процессы, результатом которых являются семантические новации русского языка, сложны и разнообразны, однако все они могут быть описаны в виде обобщенных схем, структурно-семантических моделей, имеющих ту или иную активность в реализации.

На основании описания полного списка семантических новаций /689 единиц/ с точки зрения характера протекания деривационных процессов можно говорить о том, что существует конечное число основных моделей и что именно система последних является особым, третьим способом структуризации новых ЛСВ, организуя лексико-семантический массив в динамическом, "словопроизводительном" плане.

Более широко и разнообразно представлена среди новообразований синтагматически мотивированная деривация, результатом которой выступают в языке как новые слова, так и новые значения /метонимические ЛСВ/.

Исследователи уже обращали внимание на синтагматическую природу метонимии /Е.Л.Гинзбург, А.Ф.Дуравлев, Л.Н.Мурзин/. Деривационный анализ лексико-семантических новаций подтверждает то, что метонимические ЛСВ в русском языке являются результатом синтаксических процессов, связанных с преобразованием исходной в деривационном плане синтагмы.

Восстанавливая деривационный акт, в результате которого сформировался, к примеру, новый ЛСВ у слова подворотня /ср.: влияние подворотни, честь своей подворотни и под./, нетрудно заметить, что данная деривация мотивируется не парадигматически /основное значение этого слова "проем ворот для проезда, прохода во двор"/, а синтагматически: мотивирующим для нового значения является высказывание "подростки, которые проводят свой досуг во дворе, в под"ездах, в подворотне, занимаясь

пустым времяпровождением и баловством", которое в деривационном акте как бы сжимается, конденсируется. Ср. также: "растяжка ← средство для растяжки".

Устранение избыточных компонентов влечет за собой соответствующие изменения синтагмы: сохранившийся зависимый компонент "перемещается" в позицию одного /или более/ конденсированных, получает новое грамматическое оформление. Это можно наблюдать на примере лексико-семантических новаций 70-х годов: кадры ← отдел, ведающий кадрами, коктейль ← встреча, прием, где подают коктейли, земля ← центр управления полетом летательного аппарата на земле и др.

Механизм формирования метонимического значения данного типа заключается в позиционной перестройке синтаксической структуры высказывания, мене тематической составляющей схемы высказывания некоторым другим ее компонентом в процессе конденсации развернутой /как в случае формирования производного значения слова подворотни/ или максимальной /соответственно для слова растяжка/ синтагмы.

Вместе с тем, реконструкция деривационных метонимических актов на массиве лексических новаций русского языка обнаруживает другую деривационную разновидность метонимии, которая, насколько нам известно, не описана в лингвистической литературе. Механизм формирования метонимического значения, о котором идет речь, имеет свои отличительные особенности, выявить их позволяет реконструкция конкретных деривационных актов. Так, сопоставление двух семантических структур – обосновывающей непримитивной словарной единицы номинации и обоснованной – у слова мехдойна "машина для доения коров" и "доение коров с помощью машины" дает возможность предположить, что деривационный акт в данном случае заключается в изменениях семантико-синтаксической структуры – позиционных перемещениях предикативной составляющей главного, исходного предложения при переходе от а/ к б/ по типу конверсии и сопровождающей ее /конверсию/ мене тематической составляющей: "машина для доения коров", где тематическая составляющая "машина", переходит в "доение коров с помощью машины", где тематическая составляю-

щая "доение"; аналогично: ЛАЗ "Львовский автомобильный завод, выпускающий автобусы" → "автобусы, выпускаемые Львовским автомобильным заводом"; долгострой "строительный объект, сооружаемый долго" → "строительство такого объекта"; вахтенный 'выполняемый, производимый вахтами' → 'предназначенный для вахт' /суб'ект действия → объект действия/ и др.

Анализ материала обнаруживает продуктивность в русском языке 70-х г.г. трех деривационных моделей /по классификации Е.Л.Гинзбурга/, которые представлены относительно равным числом частных моделей:

1. Модели местно-посессивной метонимической деривации:

1. место → действие в этом месте: пресса в значении 'отзывы, рецензии в прессе';
2. действие → место действия: отведение в знач. 'место, точка на коже... человека...';
3. место действия → суб'ект действия: прилавок в словосочетании работники прилавка;
4. место действия → то, что там находится /те, кто там находятся/: земля в знач. 'центр управления полетом летательного аппарата на земле', подворотня 'о подростках, которые проводят свой досуг во дворе, в подворотне, в под'ездах, занимаясь пустым времяпровождением';
5. лицо → место, в котором оно функционирует: кадры в знач. 'отдел, ведающий кадрами';
6. состояние /действие/ → суб'ект состояния /действия/: вахта в знач. 'группа людей, выезжающая для сменной работы /вахты/';
7. артефакт → деятельность, связанная с этим артефактом: картошка 'работы по уборке картофеля...';
8. артефакт → событие, предполагающее использование этого артефакта: коктейль 'встреча, прием, где подаются коктейли';

9. фирма → продукция фирмы: МАЗ, ЛАЗ, ГАЗ, КамАЗ, КраЗ, УАЗ в значении 'автомобиль...'

II. Модели результативно-причинной метонимической деривации:

1. действие → результат действия: присыпка в знач. 'насыпанная около-, чего-либо земля', загрязнение /м.ч./ в знач. 'вещества, производящие загрязнение', остекление 'поверхность чего-либо, сделанная из стекла', засветка 'пятно на светочувствительном материале...';

2. деятельность, направленная на артефакт → артефакт: караван 'об урожае зерновых';

3. внутренний признак артефакта → внешний признак артефакта: полнота 'размер одежды или обуви';

4. инструмент → производимое им действие: мехдойка 'доение с помощью машины /мехдойка/';

5. объект деятельности → деятельность, направленная на объект: долгострой 'строительство объекта';

6. способ → связанный с этим способом: газокислородный 'служащий для газокислородной резки', гипербарический в словосочетании гипербарическая хирургия, волоконный в словосочетании волоконная система, волоконные эндоскопические приборы;

7. относящийся к материалу → сделанный из этого материала: джинсовый /джинсовый костюм/, кримпленовый /кримпленовый костюм/.

III. Модели инструментально-направительной /целевой или обектной/ метонимической деривации:

1. действие → инструмент или средство реализации действия: растяжка 'средство для растяжки', навеска 'механизм, с помощью которого сельскохозяйственные, дорожные и строительные машины навешиваются на трактор';

2. действие → цель действия: ориентировка 'сообщаемые отделением милиции данные о подозреваемом или преступнике /с целью ориентировки/';

3. суб"ект действия → об"ект действия: десант 'работа, выполненная группой лиц /десантом/;
4. наука → предмет научного исследования: биоэнергетика;
5. часть целого → единица счета целого: колеса 'единица счета автомобилей, тракторов, комбайнов';
6. свойство → его реализация: коммуникабельность 'связь, возможность общения между кем-либо'; взрывной 'проявляющийся, возникающий внезапно /взрывная атака, взрывной рост знаний/';
7. относящийся к суб"екту действия → относящийся к об"екту действия: вахтовый 'предназначенный для вахт'.

Наиболее продуктивными из частных моделей Мтн являются в области предметной номинации модели "действие → результат действия", "фирма → продукция фирмы", в сфере признаковой номинации — модель "способ → связанный с этим способом".

Синтагматическая обусловленность деривационных процессов в лексике прослеживается в механизме действия лексико-семантической конденсации, разнообразные виды которой протекают по определенным синтагматическим деривационным моделям. Несмотря на то, что понятие конденсации получило широкое распространение в исследованиях по лексике, словообразованию, синтаксису, теории номинации /В.В.Виноградов, А.В.Исаченко, *M. Bokulič*, Н.А. Янко-Триницкая, Д.Н.Шмелев, Т.Г.Винокур, И.П.Глотова, А.А.Брагина, Н.М.Енчева, В.В.Лопатин, В.А.Кудрявцева, *J. Kaliszán* и др./, сущность конденсации и ее границы не имеют однозначного определения. Одни исследователи признают конденсатами исключительно результаты "семантического стяжения способом аффиксальной деривации" /Л.А.Каланадзе/, другие к конденсации относят семантическое включение с аффиксацией и без аффиксации, аббревиацию, словосложение, иногда субстантивацию и усечение /В.В.Лопатин, Т.Г.Винокур, И.П.Глотова, Н.А.Янко-Триницкая и др./, третьи полагают, что конденсация как проявление всеобщего свойства экономии языковых средств лежит в основе всей системы словообразования и является всеобщей формой преобразования словосочетания в слово: все производные аффиксальные существительные можно считать своеобразными конденсатами /Е.Л.Гинзбург, Л.В.Сахарный, В.М.Никитевич, А.М.Хамидуллина, Л.А.Самохина и др./. Существует мнение, что кон-

денсация – очень широкий процесс, который охватывает всю систему языка в целом: от фонетики до связанного текста /Л.Н.Мурзин, Л.В.Сахарный и др./.

Уточнению спорных моментов способствует моделирование конденсационных процессов в их различных проявлениях, создание динамических и статических, общих и частных моделей конденсации в лексике.

Выявляя механизм лексико-семантической конденсации, считаем важным обратить внимание на то, что понятие конденсации связано с динамическим представлением языка, следовательно данное явление может быть описано в рамках процедуры преобразования одних элементов в другие. В самом общем виде это преобразование заключается в 1/ редукции плана выражения исходной величины – синтагмы и 2/ включении плана содержания исходной величины в план содержания резульативной. Редукция плана выражения является обязательным интегральным признаком конденсации, но различается степенью проявления – от максимальной /семантическое включение без суффиксации, метонимия/ до минимальной /юкстапозиция/.

Для процесса конденсации существенно 1/ наличие некоторой синтагмы – непредикативной или предикативной единицы, состоящей из двух или более компонентов и являющейся исходной деривационной единицей, 2/ появление резульативной деривационной единицы, сохраняющей исходное денотативное значение. Необходимым условием конденсации выступает обусловленность ее прагматическими факторами речевой деятельности и, в первую очередь, направленность процесса на оптимизацию коммуникативного акта.

При всем материальном разнообразии лексико-семантическая конденсация выступает как закономерное следствие универсальных принципов экономичности и избыточности в языке. Из многих стратегий, приводящих к цели, человек стремится выбрать либо дающую искомый резульат при наименьших затратах, либо приводящую хотя и не к оптимальному, но тем не менее предпочтительному резульату, благодаря своей экономичности. В некоторых случаях в резульате конденсации возникают, как известно,

избыточные наименования, образующие с исходными единицами синонимические ряды "словосочетание - слово". Расточительность в синонимических средствах в конечном счете не противопоставляется, а подчиняется принципу экономичности: наличие этих средств чрезвычайно упрощает существенный момент в языковой деятельности, связанный с поиском языковой формы для мыслительного содержания.

Исследователи различных проявлений конденсации в лексике /"семантического сжатия", "субстантивации", "включения", "универбации" и т.д./ не ставили целью создание единой модели лексико-семантической конденсации, ограничиваясь описанием тех или иных ее типов, их разграничением. Отношения между отдельными типами конденсации можно представить, обратившись к моделированию. Наблюдения над неологизмами-конденсатами, в какой-то степени определенным, целостным массивом производных лексических единиц, позволяют предпочесть, что модель лексико-семантической конденсации характеризуется полевыми признаками, каковыми, как известно, является: 1/ общность деривационного механизма, 2/ членение "центр /ядро/ - периферия - маргинальная зона", 3/ пересечения собственно конденсационных процессов с другими процессами образования лексико-семантических единиц в маргинальной зоне. В центре поля конденсаты наиболее типичны, их признаки ярко выражены, а деривационный механизм наиболее доступен для исследования. Это в полной мере относится к семантической конденсации /конденсации с семантическим включением/, которая протекает по двум моделям: 1/ семантическое включение с суффиксацией /девятитажный дом → девятиэтажка/ и 2/ семантическое включение без суффиксации /Государственный знак качества → Знак/. Это, можно сказать, конденсация в наиболее "чистом" виде, которая характеризуется и редукцией ПВ исходной величины, и включением в лексическое значение результативной единицы смысловых компонентов других, редуцированных элементов синтагмы /лексем/.

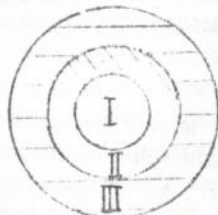
Периферию поля представляет конденсация без семантического включения, или лексическая конденсация, которая отличается частичной редукцией ПВ исходных единиц и, как правило, отсутствием семантического включения, поскольку составные

части производного слова не только передают значение каждого члена исходной синтагмы, но и сохраняют в большей или меньшей степени план выражения исходных единиц, например: автоматический пресс → пресс-автомат, и капитан и директор → капитан-директор, Совет министров → Совми, механизированный ток → мехток, передвижная механизированная колонна → ПМК и под.

Маргинальная зона /от лат. *marginalis* - находящийся на краю/ лексико-семантической конденсации - метонимия и аффиксация. В отличие от центра и периферии, деривационные процессы в маргинальной зоне имеют более сложный характер, конденсационные процессы тесно переплетаются с другими процессами, ведущими к образованию новых номинативных единиц. Например, в области метонимии наряду с конденсацией действует конверсия исходной синтаксической структуры, среди аффиксальных образований легко обнаруживаются и конденсаты /как лексические, так и семантические/, и аналогические дериваты. Характерно, что именно в маргинальной зоне происходит формирование номинативных единиц разных уровней: новых слов и новых значений /лексико-семантических вариантов слов/.

В графическом виде полевая модель лексико-семантической конденсации может быть представлена следующим образом:

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНДЕНСАЦИЯ

I - Семантическая конденсация:

- I.1. Семантическое включение с суффиксацией.
- I.2. Семантическое включение без суффиксации.

II - Лексическая конденсация:

- 2.1. Кстапозиция.
- 2.2. Композиция.
- 2.3. Аббревиация.

III - 3.1. Метонимия.

3.2. Аффиксация.

При отнесении аффиксальной деривации к периферии лексико-семантической конденсации мы исходили из следующих соображений. Современные исследования в области словопроизводства /Л.В.Сахарный, И.С.Торопцев, Л.Н.Мурзин, З.Д.Попова, О.А.Габинская, М.С.Зайченкова, Н.Д.Голев, В.А.Губанова, С.Д.Данильченко, Н.Д.Кабанова, М.М.Копыленко, А.И.Моисеев и др./ убеждают в том, что "за исключением звукоподражаний, всякому новому слову /всякому слову вообще/ предшествовало описание - синтаксическая об"ективация" /И.С.Торопцев/. Отражение об"ективной действительности в мозгу человека осуществляется на материальной базе описания, которое может состоять из сочетаний слов, предложения, группы предложений. Некоторое время результат процесса отражения может выражаться описательным сочетанием слов, предложением, отражающим определенные признаки именуемого предмета. Само описательное сочетание ненаблюдаемо: оно существует на уровне внутренней речи, возможно в виде "схематических представлений" /Н.И.Жинкин/, получая четкое словесное и структурное оформление лишь в результате его перевода "на обычной языковой код" /А.А.Леонтьев/. С возникновением названия описательное сочетание становится ненужным, как слишком громоздкое воплощение знания о предмете. Но его можно в какой-то мере реставрировать по характеристике предмета информации, по употреблению названия в речи, а также на основе производящих единиц.

Формирование плана выражения новой цельнооформленной единицы происходит на втором этапе словопроизводства /лексическая об"ективация/ и идет, по определению Л.В.Сахарного, путем универбизации - свертывания исходного описательного наименования /реального или потенциального во внешней речи/, а по определению И.С.Торопцева, - путем выбора средств формирования плана выражения, конструирования слова за счет имеющихся в языке элементов - морфем. Нам представляется, что реально образование новых слов идет и тем и другим путем. В одних случаях образование нового слова происходит в процессе кон-

денсации предшествующей слову описательной синтагмы, подчиняясь всеобщему языковому закону экономии средств, в других – путем конструирования формальной стороны слова /смысловая его сторона задана предшествующей описательной синтагмой/, выбора имеющихся формальных элементов, подчиняясь при этом общезыковому закону аналогии.

При описании и моделировании словообразовательных процессов представляется важным разграничивать ономаσιологические /по иной терминологии – слопроизводственные/ модели образования слова и словообразовательные. Это обусловлено не только тем, что понятие ономаσιологии охватывает более широкую в сравнении со словообразованием область формирующихся единиц /слово, ЛСВ, словосочетание – составное наименование/. Но также, как нам представляется, и разными видами об"активации словопроизводства, разным уровнем абстракции самих моделей при моделировании словообразовательных процессов и т.д. Так, словопроизводственная модель И.С.Торошцева представляет собой многокомпонентную систему понятий, "план умственной деятельности по образованию лексической единицы" /И.С.Торошцев/, и, как определяет сам автор, не входит в язык, в его систему.^х

Предмет нашего исследования – собственно словообразовательные модели, которые в противоположность ономаσιологическим являются принадлежностью языковой системы и могут рассматриваться как эпидигматический план структуризации лексики. Таким образом, представляется разумным долексический этап формирования слова – синтаксическую об"активацию – не вводить в систему словообразования и не рассматривать в плане эпидигматического аспекта лексики. Однако полностью игнорировать, не учитывать этого этапа словопроизводства при описании динамической модели лексико-семантической системы языка, разумеется, не следует. Именно наличие синтаксической об"активации словопроизводства /исходной в деривационных актах описательной единицы/ обуславливает синтагматическую мотивированность новых производных цельнооформленных единиц, формирующих

^х По мнению М.Докулила, сама ономаσιологическая категория не вполне языковая и выходит за рамки словообразования.

лексико-семантическую систему языка, и позволяет решить некоторые спорные вопросы словообразования в целом и лексико-семантической конденсации в частности.

Как уже говорилось, отношения синтаксической и лексической об"ективации определяются в значительной степени тенденцией к лексико-семантической конденсации. На этапе лексической об"ективации может формироваться в процессе конденсации цельноформенная единица — слово и нецельноформенная — составное наименование. Во втором случае новое расчлененное наименование может также свертываться в процессе функционирования, конденсироваться до однословной единицы. В связи с этим уместно вспомнить один из тезисов доклада Л.В.Щербы "Что такое словообразование": "Так как вновь возникающие понятия могут обозначаться названием старых, то и обозначения отдельных понятий могут быть "сочетанием слов", являющихся в таком случае "словами" или по крайней мере "потенциальными словами". Относя такие сочетания слов к лексическим единицам, Л.В.Щерба считает, что заменившие их сложные и производные слова отличаются от них лишь формально. Это замечание подтверждает высказанное нами предположение, что отношения вариативности, формирующие как парадигмы содержания, так и парадигмы плана выражения, являются основополагающими для моделирования динамики словарного состава, выявлены эпидигматики как структурообразующей оси лексико-семантической системы языка. Для конденсационных процессов, ведущих к образованию новых слов, релевантным признаком выступает вариативность плана выражения. Подтверждением этому служит и определение Л.В.Сахарным словообразовательной модели как алгоритма при формировании лексических единиц только в плане выражения.

Итак, ономастологическая модель образования производного слова всегда предполагает возможность образования новой конденсированной однословной единицы. Однако эта возможность реализуется в языке не всегда, при этом определяющую роль играют факторы большей или меньшей стандартности, употребительности, в конечном счете — частотности преобразования. Реализация во внешней речи может наступить на этапе синтаксической об"ективации и тогда результативной единицей высту-

пает составное наименование. При реализации на этапе лексической об"ективации во внешней речи об"ективируется слово: либо конденсат, либо производное по аналогии. Таким образом, результатом реального акта номинации может выступать как слово, так и словосочетание /составное наименование/. Иногда происходит об"ективация и словосочетания /первичная номинация/, и конденсата /вторичная номинация/: шоколадный фабри́ка - шоколади́ка, Советы народных депутатов - Совети́, термомоде́льный синте́з - термомо́д, группа продленного дня - продленка - продлѐжка, золотая медаль - золото и т.д. Однако, об"ективируясь и сосуществуя в языке, словосочетание и соотносимое с ним слово относятся, как правило, к разным речевым сферам, функционируют в разных подсистемах языка /об этом исследовании А.А.Брагиной, И.М.Полковой, И.П.Глотовой, В.А.Кудряшцевой и др./.

Исключение в сферу процессов конденсации исключительно "вторичных" наименований, за которыми стоят реальные словосочетания - расчлененные наименования, нельзя признать убедительным, поскольку указанное явление - лишь один из частных случаев лексико-семантической конденсации. При таком подходе определяющим выступает не деривационный механизм конденсации и его основные характеристики, а один из дополнительных признаков, относящихся к компетенции номинативных средств языка /словосочетание как "первичное" наименование и конденсат как "вторичное" наименование/. Если в определении лексико-семантической конденсации принять за основу деривационный принцип описания производных единиц, принятый в данном исследовании, то окажется, что круг конденсатов значительно шире. Следует также признать, исходя из общей инвариантной модели словопроизводства, позволяющей представить изначальный этап образования производной единицы, что производящей величиной в каждом конкретном деривационном акте могут выступать непредикативные или предикативные сочетания слов, фиксированные /об"ективированные во внешней речи/ или нефиксированные в языке /необ"ективированные во внешней речи/. В качестве иллюстрации приведем ряд примеров.

1. Непредикативные фиксированные сочетания слов в качестве производящих величин: нулевой цикл → нулевка,

районная газета → районка, безнадежное дело → безнадега, орбитальная станция → орбитальная, картофелеуборочный комбайн → картофелекомбайн, жилищно-строительный кооператив → ЖСК, и др. Производящие сочетания слов этой группы определяются в лингвистической литературе как "расчлененные наименования", "составные наименования", "устойчивые словосочетания". Производные от них являются конденсированным вторичным наименованием реалий. Оба названия – полное и краткое – образуют в лексической системе синонимический ряд.

2. Непредикативные нефиксированные в языке словосочетания в качестве производящих величин /выступают как синтаксические единицы – свободные словосочетания, не обладающие устойчивостью/: специалист по огранке → огранщик; добытчик угля → угледобытчик, строитель БАМа → бамовец, специалист в области баллистики → баллистик, боязнь танков → танкобоязнь. В этом случае в языке об"ективируется слово-конденсат, а словосочетание представляет этап синтаксической об"ективации.

3. Предикативные нефиксированные в языке сочетания слов в качестве производящих величин: поэт-песенник, который занимается подтекстовкой → подтекстовщик; тот, кто создает художественные произведения в детективном жанре → детективщик; тот, кто живет в тундре → тундровик; предприятие, которое является смежником → предприятие-смежник; самолет, который является разгонщиком → самолет-разгонщик; встреча, прием, где подаются коктейли → коктейль и др.

Несомненно, в основе образования аффиксальных дериватов лежат процессы лексико-семантической конденсации: вазовец ← тот, кто работает на ВАЗе; лавинщик ← тот, кто изучает лавины; лазерщик ← тот, кто является специалистом в области лазерной техники; доставочный ← относящийся к доставке; страховочный ← относящийся к страховке; дискотечный ← относящийся к дискотеке и под. Однако в этой области производства лексических единиц конденсация является не единственным механизмом порождения слова. И нет основания считать, что каждое производное слово реально возникает в результате действия процесса конденсации синтагмы. Ряды аффиксальных производных пополняются и непосредственно от производящих слов, подчиняясь

действующей "модели отношений" /на это справедливо обращает внимание Е.С.Кубрякова/, вовлекалось в сферу действия других процессуальных закономерностей, в частности, аналогии. Следует признать, что между синтаксическим и аналогическим словообразованием: нет отчетливых границ и это в значительной степени затрудняет их классификацию.

Таковы особенности аффиксации, позволяющие говорить о ее принадлежности маргинальной зоне лексико-семантической конденсации, где переносится и взаимодействует разные процессы слово- и семеообразования: конденсация и аналогия /в сфере аффиксации/, конденсация и конверсия /в сфере метонимии/.

Предлагаемая полевая модель лексико-семантической конденсации является по своему характеру статической, ибо она представляет отношения частных моделей конденсации и не отражает их деривационных характеристик. Механизм образования конденсатов в самом общем виде может быть выражен /общая динамическая модель/ следующим образом:

$$\frac{ПВ_1}{ПС_1} + \frac{ПВ_2}{ПС_2} \quad /\text{Нпр } \text{ФСсл}, \text{ или } \text{Нпр } \text{НФСсл}, \text{ или } \text{Пр } \text{НФСсл}.../$$

$$\longrightarrow \frac{ПВ_{/1+2.../}}{ПС_1 + ПС_{2...}}$$

где ПВ - план выражения, а ПС - план содержания лексических единиц - компонентов исходной синтагмы или производного слова; Нпр ФСсл - непредикативное фиксированное сочетание слов, Нпр НФСсл - непредикативное нефиксированное сочетание слов, Пр НФСсл - предикативное нефиксированное сочетание слов.

Определение частотности реализации среди новообразований известных в лингвистике частных деривационных моделей /словообразовательных типов/ позволило выявить степень продуктивности последних.

I. Семантическая конденсация охватывает незначительное число новообразований /90 дериватов/ и представлена семантичес-

ким включением с суффиксацией /преимущественно с суффиксом -к- и его алломорфами/: олимпийка ← олимпийская куртка, атомка ← атомная станция и семантическим включением без суффиксации: барооперационная ← барооперационная камера. Последняя модель является малопродуктивной среди новых социально закрепленных дериватов /10 единиц из 90/.

Самой продуктивной моделью образования новых единиц выступает лексическая конденсация – образование сложных и сложно-сокращенных слов /2228 из 4063 новых слов, зафиксированных НСЗ-П, или 54,8% словообразовательных дериватов/. Лексическая конденсация в зависимости от степени проявления основного деривационного признака – редукции плана выражения исходной синтаксической структуры – реализуется тремя основными моделями: 1/ вкстапозиция /от лат. *juxta positio* – положение рядом, вплотную, равным образом, одинаково/ – 179 слов, или 8% лексических конденсатов; 2/ композиция /от лат. *compositio* – составление/ – 1826 слов, или 82%; 3/ аббревиация /от итал. *abbreviatura* < лат. *brevis* – краткий/ – 223 образования, или 10%.

По моделям композиции – самого продуктивного способа образования новых лексических конденсатов – формируются преимущественно имена существительные /1199 слов/ и прилагательные /617/. Композиция глаголов и наречий единична /соответственно: 8 и 2 слова/.

Композиты – существительные образуются об"единением двух или более основ. Композиция с сочинительными отношениями компонентов представлена незначительным числом образований /28 слов/, принадлежащих исключительно научно-технической терминологии.

В зависимости от характера об"единяемых основ, можно выделить 4 типа названной композиции:

1/ об"единение основ, равных самостоятельному слову /металлопластик ← металл и пластик/;

2/ об"единение основ, из которых первая – усеченное слово, вторая равна самостоятельному слову /трагифарс ← трагедия и фарс/;

3/ об"единение основ, из которых первая равна самостоятельному слову, а вторая — усеченная /ворсолин ← ворси линолеум/;

4/ об"единение усеченных основ /бестер ← белуга и стерлядь/.

Наибольшей продуктивностью среди существительных характеризуется композиция с подчинительными отношениями об"единяющихся основ /1171 слово/. В качестве первой основы новых композитов выступают преимущественно основы существительных /влагонакопитель, кормохранилище/. Височастотны композиты с первым компонентом кино — /71 слово/, радио — /45 слов/, нефте — /15/. Из самостоятельных слов, выступающих в роли опорного компонента, наиболее частотны -комбинат /11/, -хранилище /9/.

Среди композитов с подчинительными отношениями основ наиболее продуктивны образования с первым компонентом — усеченной основой /преимущественно интернационального происхождения/ — 332 слова; далее по степени продуктивности следует образования со связанными корнями в качестве первой основы /141 слово/.

Среди композитов с усеченной первой основой наиболее частотны компоненты авто₁ — /автомобиль, автомобильный/ — 53 неологизма, электро — /38/, теле₁ — /телевидение, телевизионный/ — 30, радио₂ — /радиосвязь, радиоволны/ — 22, радио₃ — /радиоизлучение, радиация, реактивный/ — 18, радио₄ — /радиопаратура, радиотехника/ — 15, фото — /13/, вибро-, авиа- и пнеumo — /по 12 образований/, энерго- и агит- /по 10/.

Среди связанных компонентов наиболее частотны микро- /20/, гидро- /18/, био₂ — /относ. к жизни, связанный с живыми существами/ — 18, мини — /15/, видео — /10/.

Продуктивной моделью композиции существительных является об"единение основ со связанным опорным компонентом, как интернационального, так и русского происхождения. Здесь с наибольшей частотностью используются компоненты -лог /20/, -логия /16/, -воз /14/, -провод /11/. Образования с усеченными и связанными компонентами используются главным образом в сфере научно-технической терминологии.

Число суффиксально-сложных существительных незначительно — 39 слов.

Композиты-прилагательные /617 слов/ представлены следующими словообразовательными моделями:

1/ композиты с сочинительными отношениями основ, мотивированные сочетанием слов с союзом "и" /радиально-кольцевой ← радиальный и кольцевой/;

2/ композиты с подчинительными отношениями основ, мотивированные опорным компонентом и предшествующим, имеющим уточнительный, конкретизирующий характер /нефте содержащий ← содержащий нефть/;

3/ композиты с подчинительными отношениями основ, мотивированные не прямо опорным компонентом, а мотивирующим его существительным или прилагательным /берегозащитный ← предназначенный для защиты берега/;

4/ композиты с подчинительными отношениями основ, мотивированные более сложной структурой /био психический ← связанный с особенностями психики человека, определяемыми биологическими особенностями организма/.

Среди композитов-прилагательных с сочинительным соотношением основ /181 слово/ наибольшую степень продуктивности имеют образования с предшествующим компонентом — несеченной основой суффиксального прилагательного /138 слов/: производственно-технологический. Менее продуктивны образования с предшествующим компонентом — усеченной основой /21/ и производным существительным /20/: анатоми-космический и металлопластмассовый.

Единичны образования с бессуффиксальной основой прилагательного в качестве первой основы /жидкоподвижный/. Новобразования с производным прилагательным в роли второго компонента /типа сине-белый/ не зафиксированы.

У композитов-прилагательных с подчинительными отношениями основ наиболее продуктивны образования с опорным прилагательным /221 слово/, менее продуктивны — с причастием в этой позиции /145 слов/. По характеру уточняющей основы композиция прилагательных представлена следующим образом:

- основа существительного /145/: газотранспортный;
- основа производного или производного прилагательного /46/: новонайденный, огуречно-уборочный;
- усеченный компонент /48/: полукарликовый;
- связанный компонент /22/: псевдоинтеллигентный.

Среди суффиксальных композитов /175 слов/ наиболее частотны /138 слов/ образования с суффиксом -н- и его морфами /одно-возрастной/, менее частотны /31 слово/ композиты с суффиксом -ск- и его морфами /всеиндийский/, малопродуктивны образования с суффиксами -ист-, -чат- и нулевым суффиксом.

Аббревиация составляет 10% новых лексических конденсатов /223 слова/. Самым продуктивным типом выступает соединение начальной части слова /слов/ с целым словом /116/: хозспособ ← хозяйственный способ. Менее продуктивны инициальная /48/ и слоговая /33/ аббревиатуры: ИТР ← научно-техническая революция и завлаб ← заведующий лабораторией. Малопродуктивен смешанный тип аббревиации, единичными образованиями представлены все остальные типы.

В зависимости от степени редукции плана выражения исходного словосочетания среди новых аббревиатур можно выделить следующие типы:

а/ производная единица представлена соединением начальной части слова в виде корня и целого слова /бортпаек ← бортовой паек/;

б/ производная единица представлена соединением начальной части сложного прилагательного в виде его первой основы и целого слова /автопредприятие ← автотранспортное предприятие/;

в/ производная единица представлена соединением начальной части слова - одного или двух слогов - и целого слова /кап-вложения ← капитальные вложения/.

В отдельных случаях аббревиатуры могут иметь включенное, формально не выражаемое значение, т.е. обладать признаками семантической конденсации /начмед ← начальник медицинской службы/. С формальной точки зрения между отдельными аббревиатурами и композитами наблюдаются сближения /аббревиатура

спецвыпуск и композит спецсеминар/, различия состоят в деривационном плане, а именно: мотивирующей структуре и способе образования.

Юкстапозиция представлена наименьшим числом лексических конденсатов /179 слов, или 8%/. Образование юкстапозитивных существительных протекает по двум основным моделям: 1/ юкстапозиция с синтаксически координируемыми компонентами /77 слов из 104 существительных/ и 2/ юкстапозиция с подчинительной связью компонентов /27 слов/.

Особенность первой модели состоит в том, что а/ исходная синтаксическая структура - сочетание слов - объединяется сочинительным союзом "и...и" /плотник - бетонщик ← и плотник, и бетонщик/; б/ второй из координирующихся компонентов может указывать на функциональное назначение обозначаемого предмета или на его видовой признак /вагон-общежитие и геолог-поисковик/; в/ значение производного может включать в себя семантический признак 'в виде' /дача-прицеп, сумка-коляска/.

Вторая модель - юкстапозиция с подчинительной связью компонентов - может иметь структуру а/ "подчинительный/атрибутивный/ компонент + опорный компонент" /фильм-балет ← балет, снятый как фильм/ - 18 образований; б/ "опорный компонент + подчинительный/атрибутивный/ компонент" /кафе-автомат ← автоматизированное кафе/ - 9 образований.

Юкстапозитивы-прилагательные /75 слов/ представлены в виде образований с опорным компонентом - именем прилагательным /44 слова типа сильноокислый/ или причастием /31 слово типа трезвомыслящий/. В первой группе наиболее продуктивны образования со словами высоко- и остро- в качестве первых компонентов /соответственно: 17 и 14 слов/: высокопрестижный, остроконфликтный. Во второй группе наиболее продуктивны образования с первым компонентом - наречием /28 слов/: глубокозалагающий.

В области аффиксации обнаруживается действие как лексической конденсации /например, суффиксальные дериваты типа мальтиец ← житель Мальты не имеют включенного значения и

являются исключительно лексическими конденсатами/, так и семантической конденсации /ср. производное с включенным значением: забойщик ← тот, кто забивает голы/. На образование аффиксальных дериватов большое влияние оказывает аналогия. Аффиксы, получившие в системе языка регулярные значения, используются для образования словообразовательных рядов /например, ряд существительных со значением процессуального признака с суффиксом -ниџ - включает 40 новообразований: моржевание, обездвиживание, домолвливание, паркование и т.д./ Регулярные "пропорциональные" аналогии /А.Блумфитд, Л.А.Булаховский, Ф.А.Ивнатина, Е.С.Кубрыкова и др./, результатом действия которых выступают новые слова, наиболее активны в области аффиксации.

Наличие у аффиксальных образований имплицитных, формально не выраженных смыслов /в другой терминологии "семантических надбавок"/, а следовательно, и идноматичность производного слова, обусловлены не взаимодействием морфем, а редукцией плана выражения исходной семантической структуры в процессе конденсации.

По характеру мотивирующей синтаксической структуры аффиксальные новообразования представляют собой а/ конденсаты, исходные семантические конструкции которых могут быть трансформированы в атрибутивное словосочетание с согласованным определением /материал, который обладает хорошо выраженными пьезоэлектрическими свойствами → пьезоэлектрический материал → пьезоэлектрик/; б/ конденсаты, исходные синтаксические структуры которых могут быть трансформированы в атрибутивное словосочетание с несогласованным определением /тот, кто водит вездеход → водитель вездехода → вездеходчик/ и в/ конденсаты, исходные синтаксические структуры которых не могут быть трансформированы в простое атрибутивное словосочетание /тот, кто делает тару → тарник/.

Среди суффиксальных дериватов /1286 слов, или 73,7% аффиксальных новообразований/ отмечены преимущественно существительные /704 слова/ и прилагательные /454 слова/. Глаголов и наречий - незначительное число /соответственно: 73 и 55/.

Наиболее продуктивны образования существительных с суффиксом -ость, имеющие значение отвлеченного признака /150 слов/: сохраняемость, узнаваемость. Широко представлены существительные со значением лица /преимущественно мужского пола/: здесь наиболее продуктивны образования с суффиксом -ик/-ник /61 слово/, абсолютное большинство которых называют лицо по отношению к отрасли науки или техники, по роду занятий, сфере деятельности /нефтепромысловик, синтетик, программник/. Высокопродуктивны новообразования со значением лица мужского пола с суффиксом -ец /55 слов/, представленные пятью словообразовательными типами /большинство слов называют лицо по принадлежности к стране, территории, где оно проживает: лаосец, заирец/. Продуктивны образования со значением лица мужского пола с суффиксами -чик/-щик /41 слово/ и -ист /37 слов/: радиолокаторщик, пилоралист, а также образования с суффиксом -иц- с модификационным значением женскости, производные от существительных, называющих лиц мужского пола /20 слов: саночница, доводчица/.

Суффиксальные прилагательные образуются преимущественно с суффиксом -н- и его морфемами /208 слов/ и с суффиксом -ск- и его морфемами /181 слово/. Менее продуктивны образования с суффиксом -ов/-ев /61/, единичны образования с суффиксами -ц-, -ин-, -овит-, -ист-.

Суффиксально-префиксальные образования /227 слов, или 13% суффиксальных дериватов/ представлены преимущественно прилагательными /172 слова/, остальные части речи - незначительным числом новообразований /существительные - 31, глаголы - 20, наречия - 4/.

Среди прилагательных наиболее частотны образования с префиксом без- и суффиксами -н- и -ов-, имеющие значение 'характеризующийся отсутствием того, что названо производящей основой' /52 слова: безотходный, безэховый/.

Префиксальная модель - наименее продуктивна среди описываемых новообразований /196 слов, или 11,2% суффиксальных дериватов/. Здесь можно выделить одну высокопродуктивную модель, по которой образуются прилагательные с префиксом не-, имеющие общее значение отрицания, противоположности /48 слов:

неканонический, неидентичный/. Менее продуктивны образования прилагательных с префиксом сверх-, обозначающих интенсивность, высокую степень проявления признака /I2 слов: сверхтиповой, сверхжесткий/, и образования существительных с префиксом супер-, имеющих значение интенсивности, высокой степени того, что названо производщим словом /II новообразований: супердержава, супергигант/.

Парадигматические и синтагматические деривационные модели, выявленные на материале русских лексико-семантических и лексических новаций одного временного среза, являются способом структуризации эпидигматических отношений в лексике и дают возможность с учетом известных парадигматических и синтагматических связей наиболее адекватно представить лексико-семантическую систему языка как совокупность единиц и правил их образования.

Исследование динамических моделей в лексике должно быть направлено в дальнейшем на выявление эпидигматических характеристик семантических полей, ЛСТ, синонимии, антонимии, энантиосемии и других системных образований, что позволит представить динамический план фрагментов лексико-семантической системы в более крупном масштабе с тем, чтобы в последующем осуществить целостное описание лексико-семантической системы языка в ее статике и динамике.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Моделирование динамики словарного состава языка. - Киев, ун-т.-Киев, 1992. - 288 с. - Деп.в УкрИНТЭИ 21.07.92, № III4 - Ук 92. /Монография/
2. Развитие русской лексики в советскую эпоху: общетехнические термины в языке и речи. - Киев, ун-т.-Киев, 1991. - 154 с. - Деп. в УкрНИИПТИ 25.06.91, № 902 - Ук 91. /Монография/
3. Деривационный обратный словарь новообразований русского языка. - Киев, ун-т. - Киев, 1992. - 155 с. - Деп. в УкрИНТЭИ 21.07.92, № III3 - Ук 92.

4. Семантические изменения в лексике как средство развития современного русского и украинского языков//Сопоставительное исследование русского и украинского языков. Лексика и фразеология/Коллектив. монография/. Отв. ред. Г.П.Ижакевич.-Киев.-АН УССР: Наукова думка, 1991.- С.228-245.

5. Научно-техническая революция и развитие лексики русского языка: Методические указания к спецкурсу.- Киев: Изд-во Киев.ун-та, 1989.- 2 п.л.

6. О семантической деривации в области общетехнической терминологии//Методика преподавания русского языка и лит. - Киев, 1982.- Вып.15.- С.41-48.

7. Семантические дериваты в русской и украинской общетехнической терминологии//Русское языкознание.- Киев, 1982,- Вып.5.- С.78-85.

8. Техническая терминология в общелитературном языке//Методика преподавания русского языка и лит.- Киев, 1983.- Вып.16. - С.50-58.

9. Границы использования общетехнической терминологии в литературном языке//Культура русской речи в национальных республиках: Кол. моногр. /Отв. ред. Г.П.Ижакевич.- Киев.- АН УССР: Наук. думка, 1984. - С.75-77.

10. Техническая терминология в художественной речи//Рус. языкознание.- Киев, 1985.- Вып.10. - С.112-119.

11. Переносное значение и его изучение в курсе повышения квалификации иностранных филологов//Опыт преподавания русского языка как иностранного стажерам-русистам.- Киев.- Изд-во Киев. пед. ин-та, 1985. - С.26-32.

12. Семантическая деривация, обусловленная родо- видовыми отношениями//Деривация и история языка: Тез. докл.- Пермь, Перм.ун -т, 1985.-С.32-33.

13. Терминологическая лексика в филологических словарях//Творча спадщина О.О.Потебні й сучасні філологічні науки: Тези доп.- Харків, Харк.ун -т, 1985.- С.66-67.

14. Активизация в условиях НТР лексико-семантических новаций с коннотативным компонентом//Рус. язык - язык международного общения, дружбы и сотрудничества народов СССР: Тез. докл. - Кировоград, Кировоград. пед. ин-т, 1985. - С.77-78.

15. Годовидовая семантическая деривация в русском языке 70-80-х годов//Рус. языковедение. - Киев, 1986. - Вып.12. - С.10-15.

16. Структурно-семантические модели парадигматически мотивированной вторичной номинации в русском языке//Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Тез. докл. П-й Республ. научн. конф. Часть I. - Гродно, Гродн. ун-т. - 1986. - С.196-198.

17. Планы практических и семинарских занятий по современ. рус. языку: Методич. указания. - Киев, КГУ, 1986, 1,5 п.л. /в соавт./.

18. Использование терминологической лексики средствами массовой информации//Методика преподавания русского языка и литературы. - Киев, 1987. - Вып.18. - С.35-42.

19. Лексико-семантические новации типа "расширение значения" в славянских языках//Великий Октябрь и развитие духовной культуры славянских народов: Тез. докл. Респ. научн. конф. - Одесса, 1987. - С.30-32.

20. Парадигматически и синтагматически мотивированные изменения значения слова: типология семантических новаций русского языка//Мовознавство. - 1987. - № 4. - С.37-43.

21. Компонентный анализ и синтез лексических новаций русского языка//Семантика языка и текста: Тез. докл. - Кировоград, 1987. - С.34-35.

22. Семантические новации 60-80-х годов как результат метафоризации//Рус. языковедение. - Киев, 1987. - Вып.15. - С.9-14.

23. Семантические преобразования слова в пределах одной лексической парадигмы//Методы изучения лексики языка: Коллект. моногр. /Отв. ред. А.Д.Зверев. - Черновцы. - Черн. ун-т, 1987. - Депон. в ИВАН. - № ЗП40 от 11.09.87. - С.76-80.

24. Динамика внутрисловной парадигмы//Типы языковых парадигм: Тез.докл.- Свердловск, Урал.ун-т, 1987.- С.30-32.
25. Деривационные процессы и динамическая модель лексико-семантической системы языка//Деривация в речевой деятельности: Общие вопросы. Текст. Семантика: Тез.докл.- Пермь, Перм.ун-т, 1988.- С.16-17.
26. Семантическое взаимодействие в условиях двуязычия//Двуязычие в советском обществе: Тез.докл.- Вильнюс, Вил.пед.ин-т, 1988.- С.110-112.
27. Метафорическое преобразование слова в современном русском языке//ЛДВШ: Филол.науки.- 1988.- № 5 - С.62-66.
28. Эпидигматические отношения как особый способ структуризации лексико-семантической системы в ее динамическом аспекте//Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков: Вторая Всесоюз.научн.конф.: Тез.докл.- Ч.1.- Днепрпетровск, Днепр.ун-т, 1988.- С.137-138.
29. Об отборе терминологической лексики в толковые словари//Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии: Тез.докл. Всесоюз.лексикографической конф.- Москва, АН СССР, 1988.- С.113-115.
30. Освещение динамического аспекта лексико-семантической системы при обучении стажеров-филологов//Русский язык для студентов иностранцев. Сб.метод.ст.- Москва, Русский язык, 1988.- С.55-62.
31. Номинация и семантические процессы в русской лексике//Русский язык и современность: Общественные функции, развитие, изучение и преподавание/Коллект.моногр./ Отв.ред. М.А.Карпенко и К.Буттке.- Киев; Лейпциг, 1989.- С.119-129 /в соавт./.
32. Технические термины в филологических словарях//Совр. методы обработки иноязычной информации в свете требований комплексной программы научно-технического прогресса стран-членов СЭВ до 2000 года: Тез.докл. Всесоюз.науч.конф.- Челябинск, 1988.- С.48.

33. О создании учебного словаря лексико-семантической производности /к постановке проблемы/ //Актуальные проблемы учебной лексикографии: Материалы общесоюзной конф. - М., 1988.-С.63.

34. Метафоризация как способ номинативной деривации: структурно-семантические модели семееобразования//Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Тез.докл. III-й Респ.конф. /5-6 окт. 1989 г./ Ч.1.- Гродно, 1989.- С.109-110.

35. Динамическая синхрония и системная организация лексики Русский глагол в языке и речи: Тез.докл. научн.конф. памяти Э.В.Кузнецовой.- Свердловск, Ур.ун-т, 1990.- С.65-67.

36. Технические термины в общелитературном языке//Русская речь.- 1990.- № 2.- С.87-90.

37. Метафоризация как способ номинативной деривации в современном русском языке: деривационный аспект описания// Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания: Тез.докл. и сообщений. I-VII Международн. конгресс препод. рус.яз. и лит.-ры.- Москва, 1990.- С.171.

38. Сопоставительное психолингвистическое исследование семантики русского и польского языков//Семантика в сопоставлении языков: Тез.выступл. на научном совещании. Алма-Ата, 1990. - Москва: АН СССР.- 1990.- С.103-104 /в соавт./.

39. Эпидигматика и способы ее структурной организации// Семантика мови і тексту: Матеріали Межвуз.наук.конф.- Івано-Франківськ, 1990.- С.109-110.

40. Филологическое толкование термина//Вісник Київ.ун-ту: Літературознавство, Мовознавство.- Київ, Вип.32.- С.113-118.

41. *The politization of Women's consciousness and some Languages problems//Women in a changing Europe: European Feminist Research Conference August 18-22, 1991 - University of Aalborg, Denmark. - P. 66-67.*

42. Деривационный принцип моделирования динамики словарного состава /общие вопросы/ //Русский язык и литер. в обучении иностр. студентов-филологов.- Киев, Киев.пед.ун-т, 1991.- С.87-90.

43. Процессы конденсации и их моделирование в сфере новой русской лексики // Славянская культура в современном мире: Изучение и преподавание в иноязычной аудитории / Материалы II Междун. семинара. - Киев, 1991. - С. 172-173.

44. Деривационный принцип моделирования динамики словарного состава: описание лексических новаций русского языка // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике: Тез. докл. - Пермь, 1991. - С. 172-173.

467718

AB 25.709

AB 25.709

~~Handwritten scribble~~

[Faint, illegible text]

[Faint handwritten mark]

~~Handwritten scribble~~